

После того как Су Шэнь закончил говорить, Тянь Чжэ взял с подноса Сун Хайлина порцию свинины и опустил её в свой котелок, добавив:

— Это территория Братца Гуана. Если мы лишим его лица, разве сможем спокойно поесть? Разве не нужно изо всех сил поддерживать его авторитет?

Только тогда Сун Хайлин понял, что имел в виду Су Шэнь, когда сказал лысому: «Играть в мяч — это приятно».

— Этот лысый... — начал было Сун Хайлин, но, дойдя до этого места, сам рассмеялся. — Я только что понял, что этого лысого босса зовут Братец Гуан? Какое дурацкое имя, но оно так подходит.

Су Шэнь, у которого перед ним лежала целая куча мяса, нарочно последовал примеру Тянь Чжэ, взял с подноса Сун Хайлина порцию утиных кишок, опустил их в котелок и лишь потом сказал:

— Почему у тебя у всех имена дурацкие? Кого ни возьми, всем достаётся.

Тянь Чжэ молча поднял руку.

— Меня ты не критиковал.

Сун Хайлин рассмеялся.

— Когда я только приехал сюда, я уже высмеял твой магазин «Мясо Сицзи».

Если бы он не сказал, Тянь Чжэ почти забыл бы об этом.

— Эрцзи тоже... — начал Сун Хайлин.

Тянь Чжэ уже собирался прервать его, но не успел сказать ни слова, как раздалась громкая музыка — «Красное сердце, преподнесённое партии».

Сун Хайлин потрогал карман, мысленно ругая Пань Шичэна за его дурацкую мелодию звонка, и, даже не успев посмотреть на экран, быстро нажал кнопку ответа.

С другой стороны трубки послышался голос бабушки Сун.

Только тогда он вспомнил, что забыл позвонить домой.

— Бабушка, э-э-э, я уже закончил занятия, — сказал Сун Хайлин, слегка прикрыв микрофон, и спросил Тянь Чжэ:

— Во сколько мы сможем вернуться домой?

Тянь Чжэ посмотрел на часы.

— Думаю, около девяти.

— Я сегодня вернусь позже, ужинаю на улице, — сказал Сун Хайлин бабушке. — Вернусь около девяти.

Бабушка Сун, похоже, услышала чьи-то голоса на фоне и спросила что-то.

Сун Хайлин ответил:

— Я с братом из соседнего двора.

— С каким братом? — продолжил он, бросив взгляд на Су Шэня, который тоже смотрел на него, и улыбнулся. — Братец Тедань.

Услышав это, Тянь Чжэ фыркнул.

— Когда ты успел обзавестись дешёвым младшим братом?

— Да заткнись уже, — раздражённо сказал ему Су Шэнь.

Сун Хайлин теперь всё чаще называл его «братом», и в его тоне всегда чувствовалось что-то самодовольное, как будто, называя его «братом», он сам получал выгоду.

Су Шэнь был озадачён. По логике, он должен был быть доволен, но, слушая, как Сун Хайлин говорил с таким тоном, будто в любой момент мог устроить какую-нибудь выходку, он никак не мог почувствовать радость.

Бабушка Сун на другом конце провода болтала и болтала, и только через долгое время положила трубку. Сун Хайлин убрал телефон, взял порцию креветочного фарша, скатал его ложкой в не очень красивый шарик и опустил в котелок.

Сделав несколько таких шариков, он вдруг почувствовал угрызения совести и скатал несколько для Тянь Чжэ и Су Шэня, спрашивая:

— Ты позвонил домой?

— Нет, — ответил Су Шэнь, наблюдая за креветочным фаршем в котелке, и, увидев, что он изменил цвет, сразу же выловил его в маленькую тарелку. — Моя бабушка обычно не беспокоится обо мне.

Он попробовал креветочный фарш, обдувая горячий пар, и сказал:

— Готово, ешьте скорее, а то переварится.

— Неужели нельзя немного подождать? Если он не готов, то это же будет пустая трата, — сказал Сун Хайлин, также быстро выловив свой креветочный фарш и заодно убавив огонь.

— Если не готов, то положи обратно и вари ещё, — сказал Су Шэнь, жуя креветочный фарш. — В конце концов, это мой котелок.

Сун Хайлину нечего было ответить.

Тянь Чжэ сосредоточенно ел креветочный фарш и, проглотив, сказал:

— Я только что так делал с шариками.

— Мои шарики, — сказал Сун Хайлин.

Трое разделили между собой маленькую тарелку с креветочным фаршем, и, съев её, почувствовали, что этого мало, и отправили Тянь Чжэ за ещё одной порцией. Сун Хайлин окликнул его, когда тот уже повернулся:

— Принеси ещё порцию говяжьей грудинки.

Тянь Чжэ уже хотел ответить ему: «Ты сам похож на говяжью грудинку», как вдруг кто-то заговорил перед ним.

— Это не Су Шэнь, наш университетский отличник?

Сун Хайлин в этот момент как раз взял палочками порцию «своих утиных кишок» с тарелки Су Шэня, положил их в соус и поднял глаза. Это были трое в школьной форме с чёрной основой и красными полосками.

Стоящий с краю парень в очках из-за сильной близорукости не мог носить модные большие чёрные оправы, поэтому вынужден был довольствоваться старческими полуоправами с серебряными рамками, которые едва держали его «толстые линзы». Глаза, скрытые за ними, излучали ту самую дремучесть, свойственную зубрилам.

Остальные двое были совсем другие: один высокий, другой низкий. По их поведению сразу было видно, что они не из хороших.

Говорил высокий.

Су Шэнь с трудом жевал грибы энoki и не обращал на него внимания.

Высокий, увидев, что тот не реагирует, сказал зубриле рядом:

— Это тот самый отличник, о котором я тебе говорил. Раньше жил в деревне, учился без особых усилий, но всегда занимал первое место.

Су Шэнь подумал про себя: «Это потому что ты не видел, как я по ночам зубрю».

Тянь Чжэ знал этих «нехороших парней», презрительно усмехнулся и, не обращая на них внимания, пошёл за креветочным фаршем. Уходя, Су Шэнь тихо сказал ему:

— Принеси ещё порцию утиных кишок, последнюю у меня забрал Черныш.

— Ты сам похож на утиные кишки, — наконец выпалил Тянь Чжэ, почувствовав облегчение.

Черныш Сун посмотрел на утиные кишки в своей тарелке и тут же засунул их в рот.

Высокий явно был недоволен отношением троих, постучал по столу, и только когда Су Шэнь с раздражением посмотрел на него, он обвёл рукой вокруг них и сказал:

— Какая польза от того, что ты учишься лучше меня? Уровень преподавания в городе и деревне разный. В вашей деревне уже несколько лет не было ни одного студента.

Су Шэнь вежливо ответил:

— В нашей деревне.

Тянь Чжэ как раз вернулся, в левой руке у него было несколько тарелок, а в правой он держал кусок чизкейка, который грыз. Услышав слова Су Шэня, он сказал:

— Ты же просто живёшь в общежитии в уездном городе. Да и этот уёбищный уездный город — это вообще не город.

Тянь Чжэ говорил, жуя торт, и, произнося слово «пёрд», выплюнул крошки прямо в лицо низкорослому.

Зубрила потянул высокого:

— Пойдём есть.

Но высокий не хотел уступать.

В волости Циншуй была всего одна начальная школа, одна средняя и одна старшая школа, поэтому большинство учеников одного возраста были одноклассниками с самого детства. Высокого звали Нань Жуй, и он учился с Су Шэнем в одном классе с начальной школы, и даже в средней школе они не разошлись. Но за эти годы между ними не возникло никакой дружбы, а

только злость, которую Нань Жуй испытывал при одном упоминании о Су Шэне.

Всё сводилось к тому, что Су Шэнь учился лучше.

Обычно Су Шэнь был тихим, но на экзаменах он всегда блистал. Нань Жуй был его противоположностью: в обычное время он шумел и кричал, но на экзаменах всегда оказывался позади Су Шэня.

Пока родители не отправили его учиться в уездный город, где он наконец смог почувствовать себя на высоте.

К сожалению, Су Шэнь не придавал этому значения.

Эта встреча была случайной.

Низкорослый не имел никаких счётов с Су Шэнем, но после того как Тянь Чжэ выплюнул ему в лицо крошки торта, его терпение лопнуло, и он, указывая на Су Шэня, сказал:

— Ты же просто хромой, чего выёживаешься!

Это напомнило Нань Жую, и он, оттолкнув зубрилу, сказал:

— Да, ты же просто хромой, даже стоять не можешь. Сколько бы ты ни добился, ты всегда будешь ниже нас, нормальных людей.

Как только эти слова были произнесены, Сун Хайлин резко вскочил с места, заставив двоих отшатнуться назад.

Су Шэнь, увидев, что Сун Хайлин собирается применить силу, протянул руку, чтобы остановить его.

— Садись и продолжай есть, — сказал Су Шэнь.

Сун Хайлин не двинулся с места, не ударил Нань Жую и не сел, а просто стоял и смотрел на него с яростью в глазах.

Трое «городских» были типичными примерными учениками, не говоря уже о зубриле, остальные двое «нехороших парней» только умели болтать и никогда не видели такой грозной манеры поведения, как у Сун Хайлина, и сразу же сжались.

Зубрила изо всех сил потянул высокого и низкорослого, и те, явно напуганные Сун Хайлином, покорно последовали за ним.

Если бы они просто ушли, то и ладно, но Нань Жуй, возможно, почувствовал, что находится на безопасном расстоянии от Сун Хайлина, и, указывая на Су Шэня через два стола, крикнул:

— Ты, чёрт возьми, никогда не сможешь встать, хромой урод!

<http://bllate.org/book/15285/1350497>